

ВИКТОР ГОЛЯВКИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Виктор Владимирович Голявкин
Удивительные дети (сборник)
Серия «Удивительные дети»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31729446

*Удивительные дети: Издательство «Детская литература»; М.; 2017
ISBN 978-5-08-005722-9*

Аннотация

Весёлые и добродушные короткие рассказы об озорных и непоседливых мальчишках: «Тетрадки под дождём», «Я пуговицу сам себе пришил!», «Яндреев», «Как я под партой сидел», «Никакой горчицы я не ел» и многие другие, а также увлекательная повесть «Ты приходи к нам, приходи» о дружбе ребят из пионерского лагеря и мальчика, отдыхающего с мамой в соседней деревне.

Для младшего школьного возраста.

Содержание

Ты приходи к нам, приходи	5
Вечер	5
Утро	7
За калиткой	8
На озере	10
В лесу	12
Кочерыжки	20
В лагере	25
На брёвнах	31
О коровах	37
Нахимовцы	41
Матч	43
Вместо матча	47
Ты приходи к нам, приходи	49
Концерт	52
В лодке	60
Разговор	64
Собирайся, скорей собирайся!	66
Поход	69
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Виктор Голявкин

Удивительные дети

© Голявкин В. В., наследники, текст, рисунки, 1972

© Оформление. АО «Издательство «Детская литература», 2017

* * *

Ты приходи к нам, приходи

Повесть

Вечер

Блестит озеро.

Солнце ушло за деревья.

Спокойно стоят камыши.

Всё озеро в чёрных чёрточках. Это лодки, а в них рыбаки.

Бегут к дороге телята, становятся в ряд и смотрят на нас.

Сидят две собаки и смотрят на нас.

Бегут к нам вприпрыжку мальчишки.

Грузовик наш поднял много пыли, и она оседает постепенно.

Я вижу деревню, лес, озеро.

Из дома выходит хозяин с бородкой, в старой морской фуражке.

– Здравия желаем жильцам, – говорит он, – вечерок что надо, рыбка ловится, ветра нет, понюхайте-ка воздух, понюхайте... – Он громко нюхает воздух. Трясёт всем нам руки.

– Пыли много, – говорит мама, – ужасно много пыли!

– Так это ваша пыль и есть, – говорит хозяин.

– Дорога у вас пыльная, – говорит мама.

– А воздух-то какой!

Всё больше и больше темнеет.

Наш дом – верхние комнаты.

Мы с мамой несём наши вещи.

Я поднимаюсь по лестнице и всё время нюхаю воздух.

– Жаль, что отцу не дали отпуск, – говорит мама.

– Такой воздух! – говорю я.

Мы с мамой стоим в новой комнате.

– Вот здесь мы будем жить лето, – говорит мама.

Утро

Я умывался под лестницей из умывальника, а хозяин Матвей Савельич стоял рядом со мной:

– Лей, лей! Всем хватит воды, а не хватит – вон из колодца ещё возьмите, в чём дело!

Я вовсю лил.

– Ну как? Хорошо? Мойся, мойся! Вода хороша! У меня колодец очень хороший. Сам рыл. Сам копал. Только у Ямщиковых такой колодец да у меня. А у других это разве колодцы?

– А что у других?

– А ты погляди.

– Схожу погляжу...

– И сходи. И мамашу возьми.

...А какое было утро!

Солнце поднималось из-за озера. И опять всё озеро было в чёрточках. А посреди озера серебристая полоса. От солнца. Деревья слегка покачивались, и полоса на озере становилась извилистой. Совсем рядом заиграл пионерский горн.

– У кого вода, а у кого бурда, – сказал Матвей Савельич.

Я вышел за калитку.

За калиткой

За калиткой стоял малыш и плакал. А рядом с ним стояла бабушка.

Малыш повторял:

– Я хочу черпалку!

– Нету черпалки, – отвечала бабушка.

– Давай черпалку! – орал малыш.

– Что это за черпалка такая? – спросил я.

Малыш посмотрел на меня и сказал:

– Давай черпалку!

– Неужели ты не видишь, Мишенька, что у него нет черпалки? – сказала бабушка.

Он опять посмотрел на меня.

Я показал ему руки – вот, мол, нет у меня черпалки.

Он замолчал. Потом крикнул:

– Давай черпалку!

– Господи, – вздохнула бабушка, – чуть свет вставать за-рядил. Возьми я ему раз да скажи: «Куплю я тебе, Мишенька, черпалку, если ты курицу съешь». А что это за черпалка такая и сама не знаю. Просто так сказала ему, чтоб он курицу съел. Вроде бы в какой-то сказке я ему про эту черпалку читала. Ну, он курицу съел и сейчас же говорит: «Давай теперь черпалку!» А откуда я её возьму? И что это за оказия такая, и что это за диковина такая, эта самая черпалка... И лодки

ему показываю, и дровишки, и шишки, и чего только я ему ни показываю, а он знай про «черпалку» твердит...

Я говорю:

– Где-то видел я, продавали в магазине игрушечную землечерпалку. Шесть рублей, кажется, стоит. Вот бы такую землечерпалку купить ему за то, что он курицу съел...

Бабушка обрадовалась и говорит:

– Нужно отцу сказать, чтобы он купил ему черпалку, спасибо тебе большое, не знаю даже, как и благодарить...

– Да что вы, – говорю, – пустяки какие, я просто видел эту черпалку, если не ошибаюсь, на Литейном проспекте, в одной витрине какого-то детского магазина; любопытная, думаю, штука была бы для малышей. Я-то сам из этого возраста вышел...

– Непременно отцу скажу, – говорит бабушка, – непременно отцу доложу про это моё спасение... Сыну-то он своему не пожалеет, а меня спасёт от этого форменного мучения. Заходи к нам, мы вон напротив, спасибо тебе, сынок...

Она ушла довольная, а я стал думать, с кем бы мне ещё познакомиться. С каким-нибудь мальчишкой бы познакомиться. Вот ведь сейчас с ними познакомился...

Походил по деревне.

Ходил, ходил, зашёл домой, позавтракал и опять за калитку вышел.

На озере

Орал малыш. Просил черпалку.

Если он так всё время будет черпалку просить, с ума сойти можно. Как они терпят! Купили бы ему какую-нибудь черпалку или вовсе бы ему не обещали...

Я спускался к озеру, и малыша уже не было слышно.

Пили воду коровы.

Мне стало скучно.

Неужели вот так я и буду ходить каждый день по деревне да вдоль озера, а дальше что? Конечно, я могу купаться, кто-нибудь меня на лодке покатает, и рыбу лови себе, пожалуйста, сколько хочешь, всё это так. Но должны же ведь быть у меня какие-то друзья, приятели, не могу же я без них...

Но где их взять?

Не могу же я их вот так, сразу, взять и найти.

Вдруг я этого мальчишку увидел и ужасно обрадовался. Он стоял в камышах, и сначала я не понял, чего он там стоит, а потом понял: он там рыбу ловит.

Удочка у него была длиннющая, я сначала удочку увидел, а потом его.

Я сел на траву и смотрю. При мне он две рыбы поймал. Никак я сначала не мог понять, куда он их кладёт, а потом понял: он их за пазуху кладёт!

Он поймал третью рыбу и тоже – за пазуху. Я сейчас же

представил себе, сколько у него там за пазухой этих рыб, как они там прыгают и щекотят ему живот.

Вот почему он всё время ёжился и корчился!

Я сидел и ждал, когда он кончит ловить, выйдет из своих камышей и покажет мне рыб.

Но он всё ловил.

Я окликнул его.

Нет, он не слышал меня или он не хотел меня слышать. Он стоял ко мне боком, и я видел его оттопыренную майку с рыбами, его какое-то суровое лицо в веснушках, и опять стало мне скучно.

Он так был занят своей рыбой!

Он, наверное, весь день может так стоять в воде со своей удочкой, не видя ничего, не слыша...

Пробежали ребята с мячом.

Я бы за ними с удовольствием побежал, да только что они подумают, если я вдруг за ними побегу?

Я встал. Пошёл вдоль берега.

А этот! Тоже мне! Рыбак! Я бы никогда не стал за пазуху рыб запихивать. Разве настоящий рыбак за пазуху рыб запихивает? А ещё не отвечает!

В лесу

Я свернул в лес.

Как вдруг из-за дерева выскакивает мальчишка, хватается меня за рукав и кричит:

– Всё!

Я сначала немножко испугался: странно всё-таки. А потом – ничего, вижу – стоит он и дышит тяжело, словно бежал долго.

– Ты чего, – говорю, – до меня дотрагиваешься?

– А кто ты такой? – говорит. – Что, до тебя дотрагиваться нельзя?

– А ты кто такой? – спрашиваю.

– Да ты кто, сумасшедший или кто? – это он мне говорит.

– Это ты, – говорю, – сумасшедший, по всему видно: ни с того ни с сего вдруг выскакивает, дотрагивается...

– Ишь ты какой! – говорит. – А как же я с тебя погоню буду срывать? Или у тебя их уже сорвали?

– Какие погоню? – Если и вправду он из какого-нибудь сумасшедшего дома сбежал? Возьмёт да укусит, да мало ли что...

А он орёт:

– Да ты что, с луны свалился?

– Кто из нас с луны свалился, это ещё неизвестно, скорей всего, это ты с луны свалился...

Он хлопнул в ладоши, подпрыгнул и как заорёт:

– Ха! Вот фрукт!

«Ну, – думаю, – не иначе. Вылитый сумасшедший!» Вижу, у него на плечах по листику. Нормальный человек, сами понимаете, ни с того ни с сего не будет себе на плечи листики цеплять... Как бы от него спокойненько уйти?..

А он:

– Ты скажи, я тебя запятнал? Не будешь потом говорить, что я тебя не запятнал?

– Чего? – говорю.

Он опять хлопнул в ладоши, подпрыгнул и как заорёт:

– Ха! Вот фрукт!

Я хотел убежать. Я всё время от него отодвигался, а он ко мне придвигался. Мне даже страшно стало. Тем более он повторял:

– Не говори потом, что я тебя не запятнал...

Я всё думал, как бы сбежать, но тут вдруг выскакивают ещё несколько таких же сумасшедших, а этот сумасшедший орёт:

– Хватай его, ребята!

Эти новые сумасшедшие остановились, и один говорит:

– Да это не наш, ребята!

«Не хватает, – думаю, – ещё „вашим“ быть! Этого ещё не доставало! Но в то же время, если они меня не своим признают, мало ли что им в голову придёт... Хотели же они меня хватать...»

Один говорит:

– В том-то и дело, что не наш. Наш был бы – так незачем было бы его и хватать!

Я перепугался и говорю:

– Я ваш, ребята...

Один из сумасшедших говорит:

– Смотрите, ребята, чтобы не сбежал, вон он как дурака валяет...

Тот первый сумасшедший говорит:

– А если ты наш, так чего же ты тогда сразу не сказал?

– А вы, – говорю, – меня не спрашивали, я и не сказал. Я никогда ничего не говорю, если меня не спрашивают. У меня привычка такая... Когда меня в классе не спрашивают...

Один из них говорит:

– Ты брось нам тут про свой класс рассказывать, ты нам

лучше скажи, белый ты или синий?

Другой говорит:

– Да что вы, ребята, не видите, он не из нашего лагеря, у него погон даже нету!

Тот первый сумасшедший говорит:

– Как – не из нашего? Ты не из лагеря?

– Из какого лагеря?

– Из пионерского, – говорят, – из какого же ещё!

Тут только я догадался, что это игра у них идёт и они меня за противника приняли. Они тоже поняли, что недоразумение произошло, и мы стали смеяться.

Мой первый знакомый говорит:

– Я его запятнал, а он огрызается. «Чего бы это, – думаю, – он огрызается, нечестно играет?..» А он, оказывается, вовсе не играет...

– А я-то думал, вы сумасшедшие, – говорю.

Им это не понравилось, они и смеяться перестали.

– Сейчас-то я не думаю, – говорю, – это я сначала подумал.

Опять стали смеяться, рассуждать по этому поводу, какие сумасшедшие бывают и прочее, а мой первый знакомый говорит:

– Ты извини меня, так всё получилось. Давай-ка познакомимся: меня Санькой звать.

– Давай, – говорю, – познакомимся. Меня Лялькой звать...

– Это ты правда или шутишь?

– Имя это, конечно, девчоночье, – говорю, – я знаю, и ты тоже знаешь, да и все знают, только не я же виноват, что родители меня Лялькой зовут...

Они все сочувственно молчали и кивали головами, будто со мной какое несчастье произошло, а я продолжал:

– Мама моя пошла и назвала меня Русланом, а отец как услышал, стал скандалить: он меня Сашей хотел назвать, в честь своего брата, героя Гражданской войны. «Не потерплю, – говорит, – чтобы моего сына таким именем звали! Не хватает ещё, чтобы его Рогдаем называли...» Мама ему говорит, что это имя старинное, былинное, так отец совсем разошёлся. «Какие-то допотопные имена, – говорит, – никакой современности и далеки от революции; в таком случае как звали мы его Лялькой, так и будем звать».

Санька говорит:

– Ерунда, подумаешь! Ничего в этом страшного, я считаю, нет. Хуже, когда вырастешь. К примеру, станешь маршалом... Как же тут можно Лялькой называться – ума не приложу...

– Да я, может, маршалом и не буду... – говорю. – А если буду маршалом – Русланом будут звать...

– Да ты не расстраивайся, – говорят ребята, – нервы не трепли из-за этого.

Один говорит:

– Если каждый будет маршалом, тогда у нас одни только маршалы будут по улицам ходить... Не так-то это просто...

Но, в общем, они все ко мне очень сочувственно отнеслись.

Только один, с таким длиннющим носом, говорит:

– Здорóво он всё-таки треплется, этот парнишка! Язык у него как мельница, даже родственника своего, героя, успел приплести...

В это время в лесу раздались звуки какой-то дудочки, и все побежали на этот звук, только Санька остался.

– Да ну её к чёрту, – говорит, – эту войну! Если бы настоящая война была, а то игра...

Мы с ним медленно пошли, и он сказал:

– Давай я тебя Валькой буду звать. Две буквы отбросим. И всё. А на место их другие поставим. Совершенно другое имя будет. Какое имеют значение какие-то две буквы!

Я согласился, что две буквы действительно никакого значения не имеют, и даже обрадовался, что так всё вышло. У меня с моим именем всегда какие-то насмешки и неприятности получались. Каждому на свете нужно было рассказывать и объяснять, как это меня девчоночьим именем назвали. Вот вам, пожалуйста, «трепачом» меня назвали – совершенно ни за что ни про что!.. И как это никто не догадался раньше меня Валькой звать! Отпали бы сразу все эти громадные сложности. Не нужно было бы никому ничего объяснять и рассказывать. Всего ведь только нужно было две первые буквы отнять и две другие приставить... Какая у него всё-таки замечательная голова, честное слово!

Конечно, и я бы мог придумать такое, и мои родители, но ни я, ни мои родители ведь этого не придумали!

Мы немного прошли, Санька засмеялся и говорит:

– С этими именами много всякой чепухи происходит. Помню такую историю. Ох и история! Представь себе, в нашем дворе рыжий Санька, я – Санька и Копылов. Три Саньки. А двор один. Например, я зову Саньку рыжего, а Копылов отзывается. Или меня зовёт Санька рыжий, а я думаю, Копылова зовут. Один раз я назвал Саньку рыжего Рыжим. Чтоб он знал, что его зовут, а не другого. Так рыжий Санька обиделся. И Копылова нельзя Копыловым звать. Обижается тоже. «Для чего же тогда, – говорит, – я Санька? Не для того, чтобы меня Копыловым звали. А для того, чтоб меня Санькой звали...»

– Ну и чего же вы сделали? – спрашиваю.

– А ничего не сделали, – говорит Санька, – так и жили...

Кочерыжки

– Мы только недавно прибыли, – рассказывал Санька по дороге, – так что не всех пока знаем, вот я тебя и поймал...

Я был рад, что он меня поймал, как-никак, всё-таки нашёл себе приятеля, а что он сначала напугал меня, так это не важно.

– Вот и хорошо, что поймал, – говорю.

Мы подошли с ним к воротам лагеря, и он меня слегка подтолкнул, чтобы я, значит, не стеснялся. Он мне перед этим сказал, что начальник лагеря «на войне», и старшая пионервожатая тоже, так что бояться некого.

Я хотел пройти в ворота, но часовые своими палками, на концах которых были флажки, загородили дорогу.

Санька как закричит на них:

– Да вы что, своего не признали? Зачем вас сюда поставили – непонятно!

Они только руками развели и посторонились.

Вот это Санька! Ловко нашёлся, ничего не скажешь!

– Я же тебе говорил, – сказал Санька, – что тут никто ещё толком друг друга не знает. Так что ты можешь быть спокоен на этот счёт. Денька через два, конечно, дело сложнее будет. А сейчас... – он присвистнул, – шагай за мной!

– И обедать можно, никто не узнает? – спросил я.

– Тут сложнее, – сказал он, – а ты есть, что ли, захотел?

– Да нет. Я просто так...

– Да брось ты стесняться, шагай за мной!

Я всё его уверял, что ел недавно, а он меня и слушать не хотел.

Я возле кухни остался, а он прямо в кухню пошёл. Выходит вместе с поваром, а в руке у него капустная кочерыжка.

– Погрызи, – говорит, – чтоб голодным не ходить.

– Да вовсе я не голодный, – говорю.

– Да ты грызи, чего ты ломаешься. – И суёт мне эту кочерыжку. Да я её и вправду не хотел.

– Грызи, грызи, – говорит повар, – а мало будет, за новой кочерыжкой приходи.

Санька радостно говорит:

– У них там кочерыжек – видимо-невидимо!

И к повару обращается:

– Новенький, понимаете, только что прибыл, запоздал маленько, а есть хочется ребёнку, – и мне моргает, чтобы я молчал.

– Ишь ты! – говорит повар. – Может, котлету тебе вынести?

Повар пошёл за котлетой, а я ему вслед закричал, что никакой котлеты мне не надо, но он всё-таки вынес мне хлеб с котлетой и ушёл, потому что у него каша могла подгореть.

– Знакомый? – спросил я.

– А как же! Знакомый! Котлету ведь дал. Ты мне-то дай половину.

Я ему хотел всё отдать, а он взял половину, откусил и говорит:

– Вкусная котлета!

Я тоже стал есть, и котлета мне тоже понравилась.

Он себе полный рот котлетой набил и говорит:

– Не наешься... пойдём... ещё котлету попросим... нас двое, скажем, а котлету нам одну дали... Знаешь, я какую пословицу придумал? «Тот, кто много ест, никогда не пойдёт на тот свет».

– Да ну тебя, не надо мне никаких котлет!

– Как это так – не надо? Два человека одну котлету едят – это же форменное безобразие!

Я и оглянуться не успел, как он ещё одну котлету притащил. Я никак не хотел у него половину брать, так он мне её просто насильно всучил и всё свою пословицу повторял.

– А за кочерыжками ты можешь всегда приходить, – сказал Санька, дожёвывая котлету.

– Не надо мне кочерыжек, – сказал я. – Терпеть я не могу эти кочерыжки!

– Ну не надо так не надо, – сказал Санька. Он вздохнул. – Я, понимаешь, никогда не знаю, когда я наелся, всё ем, ем, пока живот, как мяч, не надуется.

Вышел повар с ведром кочерыжек.

– Может, вы стесняетесь, ребята, так вы, ребята, пожалуйста, не стесняйтесь, берите-ка, берите кочерыжки!

Я назад отступил и говорю:

– Нет, нет, мы не стесняемся...

– Вы там ребят созовите, пусть они за кочерыжками приходят, – сказал он.

– Война окончится, – сказал Санька, – они и заберут.

– Скорей бы она окончилась, – сказал повар, – а то кочерыжки тут зря пропадают.

Он ушёл со своими кочерыжками, а мы пошли по лагерю. Саньке как хозяину хотелось мне весь лагерь показать.

– Если тебе кочерыжки нужны будут, так ты завсегда можешь за ними приходить, – сказал Санька.

– Не очень-то я люблю их, – сказал я.

– А я их люблю, – сказал Санька.

– Чего же ты у него всё ведро не съел?

– Как же я столько съем?

– Зато никогда на тот свет не пошёл бы, – сказал я.

– Я и так не пойду, – сказал он.

В лагере

Мы шли по лагерю, а Санька говорил:

– Как с людьми беседовать – я знаю. У меня на это есть талант, мне все говорят, что у меня есть талант с людьми беседовать. А у тебя этого таланта, по всей видимости, нет, так ты лучше помолчи, когда я с людьми беседую.

С людьми он действительно здорово беседовал.

– ...Лагерь у нас хороший, зря ты всё-таки частным образом живёшь...

– Это всё родители придумали, – сказал я.

– А ты что, слова не имеешь? Взял бы и сказал: мол, так и так, пошлите, мол, меня в пионерский лагерь, не желаю, мол, я частным образом жить, а хочу с коллективом... Они бы тебя с удовольствием послали, ты-то им, наверное, надоел со своими штучками...

– Какими штучками?

– Откуда я знаю какими? Каждый ребёнок разные штучки вытворяет, ты что, скажешь, ничего не вытворяешь?

Я не знал, что ему на это ответить, потому что я действительно кое-что вытворял.

– И родителям хорошо, и тебе хорошо.

– Если так хорошо, чего же тогда они меня не отправили?

– Да ты сам не видишь, что хорошо?

– Вижу.

– Голову надо иметь.

– Что же, мои родители головы не имеют?

– Да ты родителей не трогай! – сказал он. – Чего это ты своих родителей трогаешь? Это ведь твои родители!

– Это ты трогаешь, а не я!

Он подпрыгнул, хлопнул в ладоши и заорал:

– Ха! Вот фрукт!

– Чего это ты так со мной разговариваешь? – говорю.

– Это ты так со мной разговариваешь, это ты не умеешь с людьми разговаривать!

Я вспомнил, как он здорово с людьми разговаривал, и мне показалось, что это я во всём виноват.

– Да брось ты, Валька, – сказал он, – имя у тебя теперь новое, нервы тебе трепать теперь нечего, и спорить со мной на эту тему тоже нечего, раз у меня на это есть самый настоящий талант...

– Ты просто моего отца не знаешь, – сказал я, – у него замечательная голова!

– А у меня нет отца, – сказал вдруг Санька.

– А мать?

– Тоже нет.

– С кем же ты тогда живёшь?

– Я с тётей живу, – сказал он.

Мне как-то стало неловко, что я весь этот разговор об отце и матери затеял, тем более он мою голову, наверное, в виду имел, а не отцовскую.

Мы зашли в пионерскую комнату, и Санька показал мне дневник отряда, где он написал:

«С десятого числа началась наша замечательная жизнь в лагере. Мы долго ждали, когда начнётся эта замечательная жизнь, и вот нас привезли в автобусах, и она началась. Ура! Наступил этот день!...»

– Да хватит тебе читать, – сказал Санька, – пойдём, лучше я тебе другое покажу...

Он водил меня и всё показывал.

В кружке «Умелые руки» стояли яхты, швертботы, игрушки, сделанные ребятами. Разные вышивки, сделанные девочками, разные полочки, выпиленные лобзиком. Там было много замечательных рисунков. И был круглый шарик, сделанный из дерева. Санька сказал, что этот шарик выточили из громадного куска дерева, и именно этим он интересен. Трудней всего, наверно, было сделать этот шарик. Такой гладкий, круглый, только вот никто не знает, что он из такого громадного куска дерева. Если бы Санька мне не сказал, я бы и не знал об этом. Какую-нибудь дощечку рядом с шариком прибили бы, а на дощечке написали, что этот шарик выточен из громадного куска дерева...

Там были: стамески, лобзики, свёрла, клещи, пилки – все эти инструменты были прикреплены к большим щитам, а под каждым инструментом табличка с названием. У меня прямо глаза разбежались, глядя на эти инструменты.

Было там ещё много разных диковинных вещей, даже кук-

лы для кукольного театра. Этих кукол, оказалось, тоже сделали сами ребята.

– Чего это меня в лагерь не послали – понять не могу! – сказал я.

И сразу испугался, что он опять про мою голову начнёт распространяться, что во всём голова виновата, и говорю:

– Я не знал, а они не послали...

– А где твоя голова была? – говорит Санька.

– Нигде, – говорю, – не была, какое твоё дело!

Он засмеялся и больше про мою голову не стал распространяться.

Мы с ним пошли в клуб. Он влез на сцену и крикнул:

– Представление начинается! – И начал так кривляться, прыгать и такие строить рожи, что я даже захолопал. Он поднял много пыли, но всё продолжал плясать и строить рожи, пока не устал, а потом спрыгнул вниз и сказал:

– Наверное, я всё-таки артистом буду...

Мы вышли на воздух.

В лагерь входили «войска». Бил барабан. А впереди несли знамя.

Кто-то крикнул:

– Глядите! Хе-хе! Болтун-то в нашем лагере объявился!

И я увидел длинноносого. Который там, в лесу, сказал, что язык мой, как мельница, треплется...

Все разбежались по лагерю, а этот мальчишка ко мне подбежал.

– Болтун, – говорит, – опять здесь!

Недолго думая, схватил я его за рубашку, и он меня за рубашку схватил. И мы вместе покатались по траве.

Санька кинулся нас разнимать, но мы крепко друг другу в рубашки вцепились.

Кое-как нас разняли.

И вот мы стоим друг перед другом в своих разорванных рубашках, а вокруг нас почти весь лагерь стоит.

Какая-то девушка говорит:

– Чей это ребёнок?

Все молчат.

Выясняется, что я тут совершенно ничей, и тогда она кричит:

– Как мог попасть сюда этот мальчик?

Все опять молчат, и тогда она уже тише говорит:

– Каким образом этот ребёнок здесь?

Выходит вперёд мой друг Санька, имеющий талант разговаривать с людьми, и говорит:

– Товарищ старшая пионервожатая! Это Валька. Это я привёл его в наш лагерь. Что ж здесь такого?

– Как – что такого? – возмущается вожатая. – По-твоему, здесь нет ничего такого? Пришёл с улицы и ещё дерётся?!

Санька (здорово он всё-таки умеет разговаривать с людьми!) спокойно ей отвечает:

– По-моему, ничего такого в этом нет. Тем более его дразнили.

– А может быть, у него инфекция? – говорит вожатая.

– Нету у него инфекции, – говорит Санька.

– Откуда ты можешь знать, есть у него инфекция или нет?

– Я вижу, – говорит Санька.

– Ты ничего не видишь, – говорит вожатая. – У любого постороннего может быть инфекция!

Тогда я сказал:

– У меня нет никакой инфекции!

– Это ещё неизвестно!

– А ты, – сказала вожатая Саньке, – всего лишь только отдыхающий пионер, а ведёшь себя так, как будто ты начальник лагеря.

И тут Санька, так здорово умеющий разговаривать с людьми, вдруг заплакал.

Появился начальник лагеря. Он посмотрел на мой вид, взял меня за руку и, ни слова не говоря, только хмурясь, вывел меня за ворота.

– Не пускайте сюда посторонних! – сказал он часовым.

На брёвнах

Матвей Савельич увидел, что у меня такое неважное настроение, предложил мне на брёвна сесть. И сам тоже сел на брёвна, закурил и говорит:

– Место у нас хорошее... природа... воздух... озеро под боком...

– У вас в лагерь никого не пускают, что ли? – спрашиваю.

– Кого пускают, а кого нет, – говорит.

– Никого не пускают, – сказал я.

Он, видимо, плохо слышал, часто переспрашивал. А тут он совсем не услышал.

– Лодка у меня была, – говорит, – так я её продал... Всё думаю новую лодку сделать, да время никак не найду для этой лодки...

– Чего ж у вас лодки-то нет? У всех лодки есть, а у вас

нет...

Я думал, у него лодка есть, думал, он меня на лодке покажет, рыбу, думал, половим, а у него нет...

— Так была же лодка. Однажды её ребятишки у меня украли, так я её по всему озеру искал...

— И нашли?

— Нашёл, да ну её к лешему...

— Значит, вы рыбу теперь не ловите?

— Да ну её к лешему...

— А раньше ловили?

— Раньше ловил.

— А теперь почему не ловите?

— А на кой леший рыба нужна? Кто её чистить-то будет, коли хозяйки нет?

— Почему нет?

— Не женат.

— Почему?

— А вóйны!

— Чего войны?

— Чудак! Всё ж войны: первая немецкая, столыпинская, так? Революционная — два? А после финская, а после Отечественная...

— На войне убили?

— Кого?

— Жену.

— Фу-ты! Как же её убить-то могли, коли её сроду не было.

Поскольку войны были.

– А перерывы-то были?

– Перерывы-то? Ну были. А можно сказать, и не было. Не перерывы это, скажу я тебе, чтобы человек спокойно, обстоятельно жениться мог. Это, может, по книжкам там вашим были перерывы. А на самом-то деле не было.

– А как же другие женились?

– Кто другие?

– Отец мой, например, соседи.

– Соседи-то? А бог их знает...

– Да и не только они, – сказал я.

– Да много больно ты знаешь! – сказал он.

– Как же мне не знать! – сказал я.

– Умные все больно стали...

Он замолчал, всё курил.

Наверх мне не хотелось подниматься. Есть тоже не хотелось. Я сидел.

– Начал я себе помещение строить. Лес-то надо рубить? А рядом-то рубить не разрешалось. Сам рубил. Сам возил. А пни ломом корчевал... А потом, значит, ягоды: крыжовник, сморода, а теперь, значит, яблоки собираю... смороду собираю... крыжовник собираю...

– А вас в лагерь не пускают? – спросил я.

– Если участок в культуру привести, в божеский вид привести, можно тебе всё что угодно посадить, ведь так?

– Отчего же вы в то время не женились?

– Когда?

– Войны-то ведь не было.

– А участок-то надо было в божеский вид приводить? А был лес. Ничего и не было. А лес-то, он шишки одни даёт. Вот теперь сколько я крыжовника снимаю? А? Много снимаю! А смороды сколько снимаю? Много! И яблоки, сам понимаешь, с каждого дерева снимаю... Мамаша-то твоя небось собирается у меня яблочек купить?

– А чего же вы сейчас не женитесь?

Он не слышал меня.

– Некоторые сами не садят, придёт в сад колхозный, сучья обломает, аж до ульев доберётся! Это ж куда годится! Это кража, это хулиганство... это баловство! Почему каждому сад не посадить? Можно. А сучья ломать? Нет. Хулиганство! Дяденька посадил, а он знай ломай, бей! В культуру ведь надо приводить хозяйство своё! А он – нет, не надо. Нет, надо! Всё надо! – Он хлопнул кулаком по брёвнам.

Я сказал ему про пионерский лагерь, почему всё-таки так строго, туда никого не пускают, и насчёт инфекции сказал, как меня вожатая обидела.

Он всё головой кивал, да только про своё думал, потому что опять своё стал говорить:

– Я тебе вот что открою... Я бы, конечно, сейчас, может быть, и женился, да только помирать мне уже пора.

– Да что вы, – говорю, – что вы!

– Сколько мне лет-то, знаешь? – спросил он.

– Не знаю, – сказал я.

– Больно все умные стали, – сказал он, встал, пошёл в сад проверять свои яблоки.

Ни лодки у него нет, ни жены... Одни только яблоки да ягоды. Скучно ему, наверно, одному в таком большом саду... А у Саньки отца нет и матери... Взять бы сейчас пробраться в лагерь, Саньку встретить – вот он обрадуется! Смелый всё-таки поступок будет: человека выгнали, а он незаметно пробрался, как разведчик, своего друга навестил. А дальше что будет? Поймают меня – и больше ничего! Скандал будет – вот и всё... «Опять, – скажут, – этот инфекционный пришёл!» Какое они всё-таки имеют право мне такие вещи говорить?! Вот сейчас возьму и пойду...

Но я никуда не пошёл.

О коровах

В этот день я возле лагеря даже не появлялся.

Оскорбили человека, так нечего туда и ходить!

После обеда опять к озеру пошёл.

Смотрю, тот же мальчишка в камышах стоит как ни в чём не бывало. Неужели с тех пор стоит?

Он сворачивал удочку – собирался уходить.

Когда он повернулся, я увидел, сколько у него за пазухой рыбы набито. Как будто огромный такой живот! Он еле-еле шёл. Одной рукой он майку возле штанов поддерживал, а в другой руке у него удочки были.

Когда он на берег вышел, тут и споткнулся. Вся рыба у него из майки выскочила и на траве прыгает. Я сразу бросился эту рыбу ловить.

Собрали рыбу, он майку снял, и мы всю рыбу в эту майку

положили, как в мешок.

Я его спросил: неужели он так всё время стоял, никуда не уходил?

– Так и стоял, – сказал он.

– И обедать не ходил?

– Чего ж я без рыбы обедать пойду?

– Неужели нельзя без рыбы обедать идти? – удивился я.

– Разве же это рыбак, который обедать ходит, а рыбу не приносит? Это ж ушехлоп получается!

– Кто получается?

– Ушехлоп – сказано тебе? Ушами знай хлопает, а рыба от него топает.

– Где это ты такое слово только выкопал? – говорю.

– А чего его копать, если тот человек, который ушами хлопает, ушехлопом и называется. Как же его ещё назовёшь?

– Хлопоухом, – говорю, – ещё можно назвать. Ухохлопом можно...

– Да ты что мне, учитель, что ли, какой? Чего это ты меня учишь?

Очень уж он серьёзный человек был! Я таких серьёзных ещё не видел.

– Поймал ты много! – сказал я.

– То всё коровы.

– Чего коровы?

– Коровы их шугают.

– Кого шугают?

– Рыб.

– Как?

– Вон в плёсе пасутся...

– Ну?

– И рыбу ко мне шугают. Куда коровы идут, туда и я иду.

Они, значит, ходят и рыбу ко мне гонят. Ты только знай удочку закидывай да вытягивать успевай. Своим собственным соображением до этого дошёл! – Он потрянул мешок. – Ишь сколько нашугали!

– Здóрово нашугали! – сказал я, поражённый.

– Вот так-то!

Неужели коровы ему столько рыбы нашугали?

Кто бы мог подумать!

Нахимовцы

На другой день я сразу как встал, к лагерному забору отправился. Ждал, когда у них завтрак кончится, возле забора прогуливался. Никто не имеет права мне запретить возле забора прогуливаться! Я руки за спину заложил и так ходил, поглядывая на лагерную территорию.

Спрашиваю часовых про Саньку. А они фамилию спрашивают.

Один говорит:

– Меня тоже Санькой зовут. (Врёт, наверное!)

А другой говорит:

– Ты подальше отойди, нечего возле ворот торчать...

Перешёл я на ту сторону, сел на траву и сижу. И на часовых уничтожающим взглядом смотрю. Мог бы и не отойти, стоял бы себе – и всё! Да я отошёл, чтобы разных там неприязностей не было.

А прямо ко мне идёт из ворот Санька, а под мышкой у него футбольный мяч. Молодец он всё-таки, меня увидел!

– Ты чего здесь стоишь? – говорит. – Проходи в лагерь. Очень хорошо, что ты пришёл! Как раз к футбольному матчу с нахимовцами поспел!

– Да ты что! – говорю. – Как же я туда пойду, если меня вчера выгнали?!

– Так это вчера, а не сегодня, тем более к нам сегодня на-

нахимовцы с того берега приезжают. Если тебя спросят, скажи, что ты нахимовец, — и всё!

Санька подкинул вверх мяч, поймал его и говорит:

— Напрасно ты думаешь, что все только о тебе и думают.

Ох и покажем мы этим нахимовцам!

Я решил почему-то, что с нахимовцами драка предстоит. Не хватает ещё, чтобы меня как нахимовца избили!

— Нет, нет, я туда не пойду...

Санька очень спешил: ему нужно было нахимовцев встретить, и он меня к воротам потащил, а я упирался. А на часовых он даже внимания не обращал, как будто бы их нет.

Он меня к самым воротам притащил, а часовые зачем-то в сторону отошли, непонятные какие-то часовые! Или они его боялись, но они от ворот совсем отошли.

Раз так, я в ворота вошёл, тем более они меня раньше не пускали.

Как только мы на лагерной территории очутились, Санька сразу убежал, а мне крикнул, чтобы я на стадион отправлялся.

Матч

Со мной рядом сели девчонки. Они всё время на меня смотрели и смеялись. Девчонки ведь часто смеются просто так.

Они смеялись, смеялись, а потом одна девчонка спрашивает:

– Скажите, пожалуйста, вы не из нашего лагеря?

Я вздрогнул и говорю:

– Я нахимовец.

Она говорит:

– Ой! Я же чувствую, что вы не из нашего лагеря!

– А вы, наверное, отдельно приехали? – спрашивает.

– Совершенно отдельно, – говорю.

– А форма у вас какая? – спрашивает.

– Форма, – говорю, – у нас футбольная...

– А почему у вас форма не морская?

– А мне в ней жарко!

– Правильно! И я так думала!

– А вы можете это озеро в длину переплыть?

– А у вас есть подводные лодки?

– А ленточки от бескозырки во рту держат, когда ветер?

– А если ураган, можно ленточки во рту удержать?

– А бывает так, что ныряют, а потом не выныривают?

– А когда торпеду пускают, барабанные перепонки не ло-

паются?

– А когда качка, можно устоять, чтобы ни за что не держаться?

Скорей бы футбол начался!

Я им отвечал, отвечал, а потом чувствую: больше уже не могу отвечать! Спросят меня что-нибудь, а я им говорю:

– Это военная тайна.

Тем более я себя чувствовал всё время напряжённо на лагерной территории.

Я им несколько раз ответил, что это военная тайна, и они от меня отстали.

Тут как раз выбежали на поле футболисты, а впереди своей команды бежал Санька-капитан.

Зрители стали свистеть и хлопать, а девчонки шептались.

И вот начался этот знаменитый матч, который потом сам Санька описал в дневнике своего отряда:

«На совете дружины мы решили пригласить к себе на товарищескую встречу по футболу нахимовцев. Учитывая то, что они находятся как раз напротив, на другой стороне озера, и как бы являются нашими соседями. Итак, мы их пригласили и с нетерпением ждали их. Вот вдали показалась одна лодка, вторая и третья. И скоро эти лодки вместе с нахимовцами причалили к берегам нашего лагеря. И вот нахимовцы взошли на мостки и пошли в лагерь. И вот обе команды выходят на поле. Проходит несколько минут – и вра-

тарь нашей команды вынимает из ворот первый мяч. Но это была случайность. Разыграв мяч, наша команда переходит в наступление, но нахимовцы перехватывают мяч и забивают гол. Мы опять переходим в наступление, но нахимовцы опять забивают нам гол. Когда мы в третий раз перешли в наступление, они каким-то образом забили нам третий мяч. Четвёртый гол был забит, когда мы собирались в четвёртый раз перейти в наступление. Как только мы собрались в пятый раз перейти в наступление, свисток судьи напомнил нам о том, что первый тайм окончен. Начался второй тайм. Мы переменили тактику. Мы все ушли в оборону, и нам сразу же забили мяч. Когда мы собрались опять переменить тактику, нам забили уже двенадцать мячей. Мы ни одного не забили, хотя вовсю старались. Наш вратарь дрался как лев, но он ничего не смог сделать. Он метался во все стороны и рисковал, но мячи поймать не мог. Несмотря на это, он проявил себя отважно. От имени совета дружины мы объявили ему благодарность, хотя начальник лагеря и старшая пионервожатая считали, что этого делать было не нужно, раз он пропустил двенадцать мячей. Но он ведь старался! Потом мы повели нахимовцев на обед, и они остались довольны. После ужина были танцы. Но вот танцы кончаются, нахимовцы садятся в лодки. «До сви-да-ния!» – кричат пионеры нашего лагеря. На прощание мы пели песню «Бескозырка» до тех пор, пока они не скрылись из глаз. Только нам было обидно, что нам забили столько мячей. Мы этого ни в коем случае не ожида-

ли. Мы ожидали, что будет наоборот. Но вышло наоборот. Надо сказать, игра была очень живая, но в другой раз мы будем лучше защищать свои ворота. Хотя вратарь тут ни при чём.

*Капитан футбольной команды
пионерлагеря «Синее озеро»
Саня Буртиков»*

Вместо матча

Всё это Саня мне потом прочёл, а футбола этого я так и не увидел. Как только начался матч, подходит вдруг ко мне длинноносый и, представьте себе, просит меня подвинуться. Я подвинулся, и он сел рядом. Он на девчонок смотрел и поэтому на меня никакого внимания не обратил. Вдруг слышу, девчонка ему на ухо говорит:

– С нами рядом нахимовец сидит.

Он сразу узнал меня и сразу меня за рубашку схватил. Мне ничего и делать не оставалось, как тоже его за рубашку схватить. Девчонки завизжали, чуть даже футбол не прекратился.

Меня сразу вывели. А на прощание сказали, что если я ещё раз на лагерной территории окажусь, они будут вынуждены за помощью в милицию обратиться.

У забора как раз бабушка с малышом стояла. Бабушка футбол смотрела, а малыш к ней с черпалкой приставал.

Схватил он меня за штанину.

– Давай черпалку! – кричит.

– Заберите, – говорю, – пожалуйста, своего ребёнка: он меня за ногу тянет!

До сих пор не могут ему черпалки купить!

Малыш так мне в штанину вцепился, что его не оторвать. Один за рубашку меня хватает, другой за штанину...

– Давай черпалку! – орёт, и всё.

Нагнулся, поднял я с земли палку и говорю:

– Вот тебе черпалка!

А он говорит:

– Это палка!

Я на его глазах копнул этой палкой землю и говорю:

– Это, конечно, палка, да не простая. Поэтому она не просто палка, а ЧЕРпалка. Раз она землю копает, – и ещё раз как следует копнул, чтобы он убедился.

Малыш эту палку схватил, растерянно на меня посмотрел и улыбнулся.

Ты приходи к нам, приходи

«Если ты ещё раз явишься на лагерную территорию, мы будем вынуждены обратиться за помощью в милицию». Вот так мне и сказали.

А Санька сказал:

– Приходи-ка завтра на художественную самодеятельность. За что это тебя в милицию будут отправлять? За то, что ты художественную самодеятельность пришёл посмотреть? Да где это видано, чтобы за это в милицию забирали?

Мне очень хотелось художественную самодеятельность посмотреть. Тем более Санька будет плясать, петь и читать какое-то стихотворение. А если останется время, он ещё будет показывать очень редкий фокус с носовыми платками. А если ему после всего этого зрители будут как следует аплодировать, он им прочтёт две новые сказки писателей Козлова и Сергуненкова. Если же и после этого зрители не будут расходиться, а будут вызывать его на бис, он продемонстрирует небольшой акробатический этюд, где самым сложным является стойка на голове, не держась за пол руками.

Мне всё больше и больше хотелось посмотреть художественную самодеятельность, и всё более странным казалось мне, как это смеют меня не пускать в лагерь и даже выгонять, когда на плечах моего друга, можно сказать, лежит вся тяжесть художественной самодеятельности.

– Единственное, чего я не люблю, – сказал Санька, – это «спасительный монтаж». В этом деле я никогда не участвую – отказываюсь наотрез!

– А что это такое? – спросил я.

– Ты что, Барто не читал? Об этом у Барто очень хорошо сказано: «Спасительная вещь». Ну, это когда все выстраиваются и первый говорит: «Нам песня строить и жить помогает». А второй говорит: «Она нас в бой и зовёт и ведёт». А третий говорит: «И тот, кто с песней по жизни шагает...» А четвёртый говорит: «Тот никогда и нигде не пропадёт!» Потом пятый, шестой и так далее, пока всю песню не прочтут. Это когда выступать некому. Но раз я есть...

– А я? – спросил я.

– Что ты?

– Как же я?

– Вот фрукт! Да кто же тебя в воскресенье не пустит в лагерь, когда в воскресенье всех родителей пускают! Ходи себе по лагерю, гуляй, в песке сиди, под деревьями сиди, художественную самодеятельность смотри. И что это тебе в голову пришло, что в наш пионерский лагерь ходить нельзя? Кто это тебе мог сказать такое, прямо смешно! Да приходи ты в лагерь, приходи!

Он ушёл на ужин, а я рассуждал про себя о том, что никто не имеет права в воскресенье не пускать меня в лагерь в родительский день. Потому что я, может быть, чей-то брат или дядя, может быть, я вместе с родителями пришёл к своему

брату или к сестре, и никто не может меня выгнать в такой день!

Не имеют права!

Концерт

«Если ты ещё раз явишься на лагерную территорию, мы будем вынуждены обратиться в милицию...»

Эти слова у меня всё-таки вертелись в голове, когда я с многочисленными родителями вошёл в лагерь и стал ходить по лагерной территории.

Длинноносый теперь не будет меня за рубашку хватать. Санька его как следует предупредил, что если он меня будет хватать за рубашку, то Санька от его рубашки ничего не оставит.

На художественную самодеятельность все родители пришли. Народу было! Тьма!

Открылся занавес, и на сцене стоял Санька.

– Дорогие товарищи! Дорогие родители и ребята! Позвольте мне от лица... позвольте мне начать самодеятельность в своём лице... – сказал Санька и запел:

Хотят ли русские войны,
Спросите вы у тишины...

Он изо всех сил старался, и лицо у него было совершенно красное.

Спросите у жены моей!.. —

орал он.

Когда он закончил, все захлопали, и Санька радостно спросил:

– Ещё выступить?

– Ещё! – закричали зрители. – Давай!

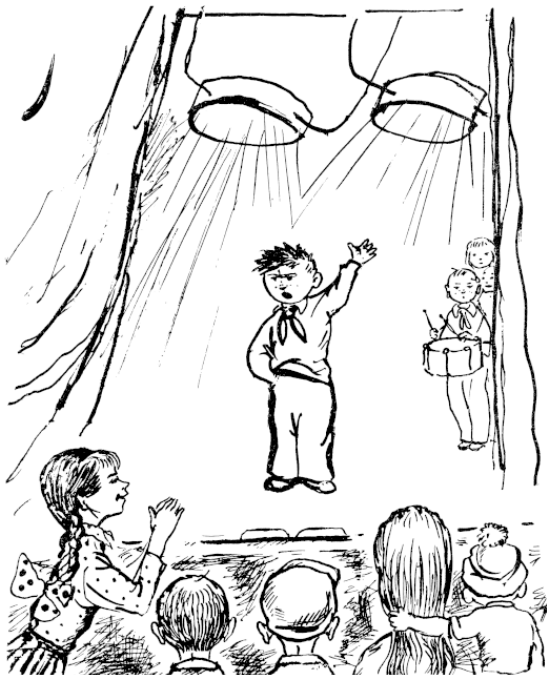
– Сейчас, сейчас! – Он поднял кверху голову, а руку выставил вперёд. Видно было, что любит он выступать.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный! —

заорал он.

На сцену выбежал вожатый, взял Саню за руку и увёл. Вожатый сейчас же вернулся и сказал:

– Дорогие гости, наш конференсье несколько превысил свои полномочия, вместо того чтобы объявить номер «Танец матрёшек» в исполнении сестёр Трендафиловых, он спел песню...

Но тут зрители закричали, засмеялись, не дали водителю говорить, требуя на сцену Саньку.

– Пусть прочтёт! – кричали зрители.

Водитель ушёл, и опять вышел Санька.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный! —

заорал он сразу.

К нему не зарастёт народная тропа!..

Он прочёл всё стихотворение с вытаращенными глазами, и все остались довольны. Все просили ещё что-нибудь исполнить, а когда появился вожатый, некоторые зрители даже засвистели. Они ни за что не хотели Саньку отпускать, и он рассказал сказку писателя Козлова в своём изложении. Опять все захлопали и не хотели его отпускать. Но тут опять на сцене появился вожатый и, не обращая внимания на недовольство зрителей, всё-таки Саньку увёл.

На сцену выбежали девчонки в костюмах матрёшек.

Сзади шмыгали носом. Я обернулся и увидел того самого мальчишку-рыболова. Он меня тоже узнал и к губам палец приложил, чтоб тише. А рыбой от него пахло – жуть! Он ведь её всё время за пазуху пихал. Может, и сейчас у него там кой-какая рыба есть...

Матрёшки подняли клубы пыли, но, несмотря на это, ещё сильнее застучали ногами, как будто хотели всю пыль выбить окончательно.

После нóмера матрёшек зрители опять стали вызывать Саньку, а матрёшки думали, их вызывают, радостные, выбежали на сцену и ещё раз сплясали. Третий раз они уже не стали плясать – наверное, поняли, что это не им аплодируют. Видно было из-за занавеса в глубине сцены, как вожатый упрашивает Саньку выступить, а он ломается. Наверное,

обиделся, что ему вначале не дали выступить. Но в конце концов Санька вышел, оглядел всех, подмигнул кому-то (наверное, мне) и крикнул:

– Концерт пляски!

И стал плясать так, что первые ряды встали со своих мест и отошли в стороны к стенам – он поднял столько пыли, что даже двадцать сестёр Трендафиловых не смогли бы этого сделать. Некоторые стали чихать и кашлять. Способный всё-таки Санька человек, ничего не скажешь! Кончив плясать, он сразу, даже не отдышавшись, запел новую песню. Он, видимо, боялся, что ему не дадут ещё раз спеть. Песня была о том, как любимая провожала на войну солдата, и когда доходило до слов «руку жала, провожала...» – Санька подбегал к самому краю сцены, даже казалось, он может свалиться вниз, и протягивал зрителям обе руки в крепком пожатии. В этом месте некоторые почему-то смеялись, но Санька на таких людей никакого внимания не обращал (не такой он был человек!) и спел до конца всю песню.

Когда он закончил, раздался прямо гром аплодисментов, Санька подождал, когда все успокоятся, и сказал:

– А сейчас я вам прочту стихи собственного сочинения, которые называются «Да здравствует лето».

Да здравствует лето,
Да скроется тьма!
Да здравствует это,
Но не зима!

Нет, лучше я буду купаться,
Чем с горки на лыжах кататься!
В траве лучше буду валяться,
Чем на морозе болтаться!
Послушайте, люди, меня,
Послушайте лучше поэта,
Своими стихами звеня,
Я славлю не зиму, а лето!
Но если попросят меня,
Прославить не лето, а зиму.
То я, ничего не тая,
Своими стихами звеня...

В этом месте Санька остановился и сказал:

– Тут у меня как бы обрывается...

Все засмеялись, захлопали, а Санька сказал:

– Я вам могу прочесть другое своё стихотворение, если вы не устали...

Зрители опять захлопали, давая этим понять, что они ни-
сколько не устали, и Санька сказал:

– Тогда – пожалуйста! Только названия у меня пока нету,
и я буду без названия, если можно...

– Можно! Можно! Мы не устали! – закричали зрители.

– Тогда я начну:

Метёт метель за окном,
Мать веником пол метёт...
А я сижу за столом,

Пишу, что на ум придёт...

Санька вдруг тяжело вздохнул и сказал:

– В этом месте у меня тоже обрывается...

К нему шёл вожатый.

А Санька вытащил из кармана два платка и стал ими махать в воздухе. Я сразу понял, что он собирается фокус показать, но другие, наверное, не поняли и продолжали хлопать. Вожатый подскочил к Саньке и стал ему что-то на ухо говорить. А Санька махал платками и не хотел слушать.

В конце концов он спрятал свои платки в карман и совершенно жутким, печальным голосом объявил следующий номер. После этого ушёл со сцены, вызываясь покачиваясь.

Больше Санька со своими номерами не выступал, только выходил объявлять другие номера. Как только он появлялся, зрители оживлялись, смеялись и хлопали. Они его очень тепло, с большой радостью встречали.

После окончания зрители только и говорили о Саньке: какой он замечательный парнишка, забавный парнишка, симпатичный парнишка, удивительный парнишка, редчайший парнишка и ещё какой-то там парнишка. Хотя я бы такие стихи тоже мог бы сочинить, и спеть мог бы (и не хуже), и Пушкина мог бы прочесть даже лучше, и сказку писателя Козлова я тоже читал и мог бы её пересказать. Я всё это мог сделать не хуже, но я этого не сделал, а он взял да и сделал, вот и получается, что самое главное – сделать, а не подумать.

Если ты ничего не сделал, никому не показал, то никто и знать не будет, что ты мог. Я твёрдо решил на каком-нибудь вечере в школе выступить с разными номерами: мне тоже захотелось стать замечательным, забавным, удивительным, редчайшим, симпатичным парнишкой... Только вот смогу ли я сплясать? Вот это неизвестно... Но если потренироваться как следует перед зеркалом, то непременно смогу, а если не смогу, заменю пляску художественным свистом – слух у меня неплохой и свистеть умею...

Зрители долго ещё хлопали, не уходили, а рыбак сзади мне в ухо носом шмыгал. Мы с ним вместе вышли.

– Пошли Саньку искать, – сказал я.

– Мне рыбу надо ловить, – сказал он.

– Ты уже простудился, – сказал я.

Он шмыгнул носом.

– А ты откуда знаешь?

Я шмыгнул носом, как он.

– Теперь-то я в лодке ловлю, – сказал он.

Он всё хотел уйти от меня, быстро шёл, а я вижу такое дело – лодка у человека есть, ни на шаг не отстаю.

Потом он побежал, а я за ним, тем более мне показалось, начальник лагеря в нашу сторону направлялся...

В лодке

Он остановился на дороге:

– Ну, чего ты бежишь за мной?

Мы с ним запыхались, стоим, друг на друга смотрим и дышим тяжело.

– Слушай, долго ты так за мной бежать будешь?

Я молчу.

– Если ты так за мной бежать будешь, я не знаю, что тебе сделаю!

Он повернулся и пошёл. А я за ним. На таком расстоянии, чтобы он мне ничего не сделал.

Он опять остановился.

– Послушай, – кричит, – у меня там удочки спрятаны. Не желаю я, чтобы все знали, где у меня удочки спрятаны!

– Я на твои удочки смотреть не буду, ты меня только в лодку возьми, зачем мне твои удочки!

– А ты отвернись, раз тебе мои удочки не нужны!

– А ты в лодке меня покатаешь? – спрашиваю.

– Да чёрт с тобой, садись в лодку, только не гляди, куда я удочки прячу!

Я отвернулся, он свои удочки достал и говорит:

– Смотри, чтобы в лодке шум не производить!

Я ему обещал, что шум производить не буду, и мы в лодку влезли.

Как только немного отъехали, я говорю:

– А что, если на тот берег к нахимовцам катануть? Посмотрим, как там нахимовцы живут, и обратно.

– Больше мне делать нечего, как к нахимовцам ехать, чего это я там не видел! Ты сиди да шум не производи!

– А что, если, – говорю, – я за лодку уцеплюсь и буду плыть, а ты меня будешь везти?

– Да ты что, – говорит, – шутишь, что ли? Как же я тогда рыбу буду ловить? Ты лучше гляди, нет ли коров поблизости, они нам рыбу напугают...

Коров не было видно, и я сказал:

– Неплохо всё-таки к нахимовцам катануть...

В это время он якорь бросил и мне не ответил. Я всё смотрел на тот берег, а он удочку разматывал.

Он удочку забросил, а я хотел воду рукой зачерпнуть и чуть лодку не перевернул.

– Не производи шум! – заорал он.

Я встал, чтобы шум не производить, а лодка так закачалась, что я чуть в воду не свалился.

– Ну-ка сядь! – орал он. – Ну-ка сядь! Вот чурбан! Не смей мне шум производить!

Он стал вытаскивать якорь и всё повторял, что в этом месте теперь нет смысла рыбу ловить – она вся ушла.

Мы уплыли в другое место, а я всё думал, как бы на тот берег к нахимовцам попасть.

Он снова бросил якорь.

Я старался шума не производить и сидел не двигаясь.

Но рыба не ловилась.

– Чего же это такое, – сказал я, – никакого шума нет, и рыбы нет.

Он во все глаза на свой поплавок глазел, а мне надоело на него глазеть, раз ничего с ним не случается.

– Никакой тут рыбы нету, – сказал я, – всё ясно...

Он глаз с полавка не спускал и молчал.

– Да где же рыба? – говорю. – Нету никакой рыбы!

Он на меня посмотрел и спрашивает:

– А?

– Хорошо бы на тот берег, – говорю, – поехать, раз рыбы нет.

В это время его поплавок под воду ушёл, а он как раз со мной разговаривал. Он дёрнул, да поздно. Весь червяк рыба съела и ушла.

Он как закричит:

– Если ты мне ещё про тот берег скажешь, я не знаю, что тебе сделаю!

Насадил он нового червяка, забросил и сидит, опять на свой поплавок смотрит. Только он в другую сторону забросил, и мне не видно стало полавка, и я осторожно пополз, чтобы поплавок увидеть. И тут я рукой банку с червями задел, и она в воду бултыхнулась. Я не знал, что это за банка такая, и ползу себе дальше как ни в чём не бывало.

Он ко мне спиной сидел.

Повернулся и как заорёт:

– Что ты наделал!

А я сразу не понял, что это банка с червями, и говорю:

– Какая-то коробочка упала...

– Немедленно, – кричит, – убирайся от меня! Уходи сейчас же! Тут же уходи! Сматывайся сию минуту! Сию секунду проваливай!

– Да как же я сию секунду уйду, если вокруг вода...

Он стал грести изо всех сил к берегу, и всё ругался, ругался, и кулаком мне грозил, и себя ругал за то, что взял меня, а я только делал виноватое лицо – чего же я мог ещё сделать!

Я ему даже «до свидания» не сказал, выпрыгнул из лодки и пошёл.

А он мне вдогонку крикнул:

– Дурень несчастный, тунеядец, балбес!

Я повернулся и кулаком ему погрозил. Какое он имеет право меня разными словами обзывать!

Разговор

Я и говорю Матвею Савельичу:

– Плохо всё-таки, что у вас нет лодки.

– Плохо, что жены нет, – говорит Матвей Савельич.

– Возьмите да женитесь, – говорю.

– Возьми лодку себе да и сколоти, – говорит Матвей Савельич.

– Как же я сколочу?

– Ты лодку себе сколотить не можешь, а я жизнь свою сколотить не умею. Вот и выходит, что мы с тобой никудышные в жизни люди...

– Да ну, – говорю, – подумаешь – лодка! Это вовсе не значит, что я никудышный.

– А я, по-твоему, никудышный? Если бы никудышный был, такого сада у меня не было бы. Никудышный человек, он куста посадить не может. А колодец? Видал мой колодец? Только с ямщиковским колодцем сравниться может! Сам рыл. Сам копал. А землю на тележке отвозил. А это ж работа. Это ж труд! Да если ещё орден Славы заслуженный во внимание взять, то даже получается, что человек я славный, а не никудышный... Нет, брат, боевой я человек да работающий...

– А я в этом году все пятёрки получил, – сказал я.

– Вот и получается, – сказал Матвей Савельич, – что мы

с тобой люди достойные, славные. Только нам маленько не везёт...

– Мне ужасно не везёт, – сказал я.

– А если вникнуть, – сказал Матвей Савельич очень задумчиво, – то каждому человеку, по моему мнению, в чём-то не везёт. Это если подумать. А кому больше везёт, а кому меньше, это и понять-то невозможно. А те, кому кажется, будто им везёт особенно, так они в этом ошибаются, потому что не подумали...

– Вот у нас в классе один мальчишка был, – говорю, – вот ему здорово везло! Что знает, то его учительница и спрашивает. Всегда пятёрки получал. Только он в прошлом году в речке утонул...

Матвей Савельич так на меня посмотрел – я сразу понял, что глупость сказал.

– Да он не совсем утонул, – говорю, – его потом откачали...

– Повезло человеку... – сказал Матвей Савельич.

Почесал он свою бороду и говорит:

– Вот оно что значит – везенье, вещь такая спорная...

Ещё бороду почесал и говорит:

– Вот погоди, управлюсь, сработаю тебе лодчонку, да такую, что сама без вёсел и паруса плыть будет...

Собирайся, скорей собирайся!

Смотрю утром в окно, а у ворот наших Санька стоит и мне рукой машет. Я сразу во двор бегом – такая радость меня взяла!

– Вот это замечательно, – говорю, – что пришёл! Как раз о тебе вспоминал!

– Погоди болтать, – говорит Санька, – времени осталось мало.

– Какого времени? – спрашиваю.

– Немедленно собирайся, если тебе интересно, и отправляйся с нами.

– Куда отправляться?

– Если ты узнаешь, куда отправляться, ты прямо до неба подпрыгнешь. Если тебе только интересно!

– Вот это красота! – говорю. – Только ты сначала скажи, куда мне отправляться, откуда я знаю, что мне интересно, а что не интересно, если я ничего не знаю.

– Узнаешь, – говорит Санька, – узнаешь, только ты скорей собирайся, ты ещё до неба подпрыгнешь!

– А чего мне собирать? – спрашиваю.

– Да ничего не надо собирать, – говорит Санька, – ты только сам собирайся.

– Как мне собираться? – спрашиваю.

– Фуфайку, – говорит, – возьми, и всё.

– Фуфайку?

– Возьми, возьми, – говорит Санька, – фуфайку обязательно возьми!

– А ещё чего взять?

Санька подумал и говорит:

– Фуфайку, пожалуй, брать не надо, ничего брать не надо...

– А чего брать?

– Чего-нибудь возьми.

Я уже хотел бежать чего-нибудь взять, но тут же понял, что никак не могу этого сделать, ведь для этого надо знать, что брать.

Странная у него всё-таки привычка всё недосказывать!

– Еды у нас навалом, – говорит.

– Какой еды?

– В крайнем случае товарищи тебя выручат!

– Какие товарищи?

– Да ты что, не проснулся? Что, я тебе не товарищ, что ли?

– Ты-то? Конечно, товарищ, как же ты не товарищ!

– А раз я товарищ, значит, и другие товарищи, там-то тебя не посмеют гнать! Кто может гнать из леса? Лес общий. Если тебя из леса погонят, вот потеха будет!

– Из какого леса?

– Да ты не рассуждай, а собирайся. Неужели ты понять не можешь (ну и голова у тебя!), что отправляемся мы сейчас всем отрядом в поход с ночёвкой...

– А мать?

– Что мать?

– А как же мать?

– Вот фрукт! Если тебя мама в поход не пускает, тогда нам с тобой не о чем разговаривать...

– Кто сказал, что не пускает?

– Ты сказал.

– Когда?

– Сейчас.

– Никто не имеет права меня в поход не пускать! – крикнул я.

Поход

Мы с Санькой договорились: сначала я сзади буду идти, на почтительном расстоянии, чтобы меня не видели. А потом, когда в лес углубимся, я могу на глаза появиться. Тогда уже никто меня обратно не пошлёт и я могу вместе со всеми дальше идти. Правда, мы с ним не договорились, сколько времени мне на почтительном расстоянии идти. Один раз я их из виду потерял, побежал вперёд и чуть на вожатого не налетел. Хорошо, он меня не заметил. Он обернулся, а я за куст спрятался. Потом Санька специально отстал, и мы с ним переговорили. Он советовал мне пока держаться на почтительном расстоянии, а мне надоело. Он стал уговаривать ещё некоторое время не показываться, но в это время его позвали, и он убежал, чтобы не вызывать подозрений. Я ещё немного продержался на почтительном расстоянии, а когда отряд на полянку вышел, я тоже к ним вышел. Санька стал мне знаками показывать, чтобы я обратно в лес уходил, а я и не подумал.

Как ни в чём не бывало прошёлся по полянке и в сторонке сел.

Вожатый ко мне спиной стоял и дирижировал, а они пели:

Летний денёк,
Речка, песок,
Тихий лесной ручеёк, ок, ок, ок!

Светлый лужок,

Синий дымок

И над костром пионерский котелок, ок, ок, ок!

Так дружно пели! Особенно это «ок, ок, ок!» у них здорово получалось. Раз десять эту песню спели. Припев я запомнил и с ними пел. Никто на меня никакого внимания не обращал, не считая Саньку. Он всё продолжал мне разные знаки делать, что-то на пальцах показывать – надоел ужасно! Не для того я в поход собрался, чтобы на почтительном расстоянии плестись. Никто не может мне запретить на полянке сидеть!

Все встали и пошли, а я за ними. Иду себе сзади, и никто меня даже не спрашивает, зачем и куда я иду. Вожатый обернулся и на меня посмотрел, а потом ещё раз обернулся и говорит:

– Что это ты, мальчик, за нами увязался? Не вздумай с нами идти: мне за тебя отвечать нет никакого желания.

Я остановился и говорю:

– Да что вы! За меня отвечать совершенно не нужно!

– Гуляй сам по себе, – говорит вожатый, – а к нам не пристаивайся.

Я обиделся и говорю:

– Если я с вами песню спел, это не значит, что к вам пристаиваюсь.

Санька говорит:

– Пусть он с нами идёт, он хороший парень.

И ребята говорят:

– Да пусть идёт, нам жалко, что ли.

Вожатый говорит:

– Никаких хороших парней! Чтобы я больше не слышал этих слов! Пока не поздно, возвращайся к своей маме!

Санька говорит:

– С ним теперь уже ничего не сделаешь, он никуда не пойдёт...

– Как это – не пойдёт? – говорит вожатый.

– Никуда я не пойду, – говорю.

Вожатый мне пальцем погрозил:

– Отстань от нас, я тебя предупреждаю!

– Не отстану, – говорю.

– Неужели ты не понимаешь, мальчик, что ты нам нежелателен? Ну что ты пристал к нам, зачем? Разве можно так поступать? Тебе ведь не разрешают с нами идти, а ты идёшь. Ну разве это хорошо?

Санька говорит:

– Ему одному скучно живётся. Он на всё пойдёт.

– Как это – на всё пойдёт? – спрашивает вожатый. Вид даже какой-то испуганный у него стал.

– Я всё равно за вами пойду, – говорю.

Ребята говорят:

– Он теперь дорогу обратно не найдёт.

Санька говорит:

– Он, наверное, дорогу обратно забыл, как же он теперь вернётся?

Вожатый так разнервничался!

– Не валяйте дурака! – кричит. – Мы совсем мало прошли! Кого вы из меня хотите сделать?!

Санька ко мне подскочил и на ухо мне шепчет:

– Ему всё кажется, из него хотят простофилю сделать...

Я сразу задом к лесу попятился.

– Не смей за нами идти! – крикнул мне вслед вожатый.

Я за дерево спрятался. Они постояли, в мою сторону посмотрели и пошли.

Я подождал, пока они подальше отойдут, и за ними пополз. Потом их потерял.

Вскочил, за ними побежал.

Бежал, бежал, а они мне навстречу идут. Выходит, я вперёд их забежал.

Я обратно бежать! Ребята смеются, а вожатый вслед мне кричит, чтобы я домой возвращался.

Некоторое расстояние пробежал, остановился, чтобы дух перевести.

Постоял, отдышался и забыл, откуда я бежал. И в какую сторону мне теперь бежать. Я, значит, на месте крутился и все стороны перепутал.

Стал бегать по лесу, их звать.

То в одну сторону побегу, то в другую, то в третью, а то в четвёртую.

– Кто здесь?! – кричу. – Кто здесь?!

Сел на пенёк, а слёзы у меня из глаз каплют.

А если я дорогу обратно не найду, только одни кости мои в лесу найдут?

Поплачут родители над моими костями... Простят, что школу пропускал... Если бы они знали, что от меня одни кости останутся, они бы меня ни за что на свете, никогда, ни за что не ругали бы...

Вдруг слышу:

– Ок, ок, ок!..

Они!

Ура!

Куда теперь бежать? К ним или от них?

Если я к ним побегу, вожатый опять меня гнать начнёт, но в то же время, если я от них всё время бегать буду, – тоже не дело. Не для того я, в конце концов, в поход собрался, чтобы вокруг них по лесу бегать!

Отряд приближался.

А я назад.

Вдруг песня прекратилась. Опять их потерял.

Тогда я слёзы вытер и пошёл вперёд наперекор всему. И чего это вожатому кажется, будто из него хотят простофилю сделать? С чего это он взял! У меня такой мысли вовсе не было. Как бы ему объяснить, что у меня такой мысли никогда в жизни не было?

Я их издали увидел.

Вдруг испугался идти наперекор всему и за куст лёг. Из-за своего укрытия наблюдаю, как они рассаживаются, вынимают бутерброды из рюкзаков и едят.

Мне так есть захотелось! Хоть ложись да помирай. Вовсю себя ругаю за то, что утром поесть не успел, а теперь после этой бестолковой беготни в желудке, наверное, совсем ничего не осталось.

Я к ним направился из-за своего укрытия. Вид у меня был что надо! Заплаканный и весь в земле.

Навстречу мне Санька выбежал. Он меня первый заметил. Я на него умоляюще посмотрел и говорю:

– Дай мне кусок бутерброда, тогда я опять в лес уйду...

А ребята кричат:

– Смотрите, смотрите, он опять идёт!

Санька говорит:

– Пусть человек идёт с нами, куда он теперь обратно пойдёт, вы посмотрите, какой он голодный и усталый...

Он даёт мне бутерброд, и я его моментально весь целиком в рот запихиваю.

Вожатый говорит:

– Я никакого морального права не имею брать тебя с собой.

Санька говорит:

– Человек ведь пропадёт, голодный и заблудший...

Ребята говорят:

– Дайте ему бутерброд в таком случае...

Ребята вокруг меня столпились и сразу мне несколько бутербродов дали.

— Пусть он ест! — кричат. — Дайте ему поесть! Не мешайте ему есть!

Вожатый подождал, пока я наемся, и говорит:

— Почему ты всё время за нами шёл, негодный мальчишка?

— Это я его позвал, — говорит Санька.

— Твои выходки ни с чем не сравнимы, — говорит вожатый. — Никто нам права не давал брать с собой посторонних.

— Какой же он посторонний, — говорит Санька, — если он наш сосед.

— Сосед — это ещё не значит, что не посторонний, — говорит вожатый.

— Соседи должны быть друзьями, — говорит Санька.

— Ты всё-таки, может быть, найдёшь обратно дорогу, мальчик? — спрашивает вожатый.

— Да как же я её найду? — говорю. — Вы что!

— Неужели не найдёшь?

Я с радостью говорю:

— Ни за что не найду, честное пионерское!

После бутербродов мне как-то легче на душе стало.

— А ты, Саня, будешь держать ответ перед начальником лагеря, — говорит вожатый.

Ребята кричат:

— Пусть, пусть идёт! Тем более он наш сосед!

Вожатый вздохнул и говорит:

– Иди сюда...

– А вы меня не ударите? – спрашиваю.

– Да ты с ума сошёл! – говорит вожатый. – Откуда у тебя такие представления о воспитателях! Не хватает мне ещё с тобой драться! Этого мне ещё не хватает! Кого вы из меня хотите сделать?

Ребята говорят:

– Ты не бойся: он никогда никого не бьёт.

Тогда я к нему подошёл.

– Будешь вести себя образцово? – спрашивает.

Санька говорит:

– Если хотите, я за него поручиться могу.

– Кому надо твоё поручительство, – говорит вожатый, – когда ты сам за себя поручиться не можешь.

Вожатый взял меня за плечи и так, стоя предо мной и глядя мне в глаза, сказал:

– Коллектив – это большая сила. Что значишь ты без коллектива? Без друзей? Вне общества? Ты ноль! Да, да. И я понимаю тебя. Хотя я не имею права брать тебя с собой, но мы всё-таки тебя возьмём, тем более тебя уже обратно не пошлём. Но ты, дорогой, от нас не отставай и, пожалуйста, не теряйся, я тебя очень прошу, потому что с этой минуты я несу за тебя полную ответственность, представь себе...

Он улыбался, когда всё это говорил, и таким хорошим человеком мне показался – дальше ехать не-куда!

– Теперь-то уж я не потеряюсь, – сказал я.

– Это будет очень благородно с твоей стороны.

– И с вашей стороны благородно, что вы меня с собой берёте, – сказал я.

– Вперёд, – сказал вожатый, – а то мы так до речки ещё не скоро доберёмся.

Все стали надевать рюкзаки и отправились дальше.

Санька со мной рядом шёл и про вожатого рассказывал:

– Его однажды ребята подвели. Он с нами договорился, что мы будем спать на тихом часе, а он в соседний лагерь сходит по делу. Мы ему обещали, что будем спать и он может спокойно уходить. А когда он ушёл, мы говорим: «Айда на озеро, ребята, искупнёмся и обратно, пока Виктора Александровича нет». Мы с кроватей повскакали – и на озеро со всех ног. Вода ещё холодная была, но мы всё равно разделись и купнулись. Тут нас начальник лагеря и поймал. После этого Виктор Александрович нам всё время говорит, что мы из него простофилю хотим сделать, а мы – ты же сам понимаешь – никакого простофилю из него делать не собирались... Мы хотели быстро возвратиться. Откуда мы знали, что нас начальник лагеря поймает... Так что ты на него не особенно-то обижайся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.